

НАШЕСТВИЕ

ПОПАДАНЕЦ ВО ВРЕМЕНА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1812 ГОДА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский
Нашествие. Попаданец во
времена Отечественной
войны 1812 года
Серия «Попаданчество»
Серия «Фельдъегерь», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69270253

Нашествие. Попаданец во времена Отечественной войны 1812 года:

ООО «Феникс»; 2022

ISBN 978-5-222-40069-2

Аннотация

И снова Алексей Терехин переносится в другую эпоху, на этот раз в тяжкое для России время – вторжение Наполеона. Как обычно, начал с низов, с рядового егерского полка, отправился с сотоварищами лазутчиком да остался в сданной неприятелю Москве. Вдвоем с лесогоном Матвеем стал партизанить, переодевшись в униформу Неаполитанского полка. Урон французской армии нанес изрядный, но попал под следствие Особенной канцелярии по подозрению в дезертирстве. Реабилитировался, с честью дошел до Парижа, однако едва не погиб на родной земле.

Содержание

Глава 1. Опять попал	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Корчевский

Нашествие. Попаданец во времена Отечественной войны 1812 года

© Корчевский Юрий, текст, 2021

© ООО «Феникс», оформление, 2022

*** * ***

Глава 1. Опять попал

Все-таки хорошо дома, в своем времени. Устоявшийся порядок, все известно, понятно, не надо ежедневно бороться за выживание. Но пресно. Дом, работа, периодические вылазки с женой в заведения культуры – театр, выставка, музей. Либо в места злачные – ресторан, кафе. Только вот вернулся Алексей как раз к началу пандемии. И рестораны закрылись, и культурные заведения, и спортивные. Среди знакомых то один заболел, то другой, а то и вовсе помер в реанимации. Судя по тому, что вирус поразил почти все части света – Европу, Азию, Америку, – это всерьез и надолго. Как всегда, нашлись недоверчивые товарищи: «В вирус не верю, маску носить не буду, это заговор мирового правительства». Таких прозвали ковид-диссидентами.

Обычно так говорят люди с завышенным самомнением о себе любимом, небольшого ума и отсутствия знаний по теме. Почему-то никто не дает советов ученому-ядерщику или авиаконструктору – нет специальных познаний. А в медицине или футболе «разбираются» все. И все же дома сидеть – тоска зеленая. Служба – магазин – дом. Жене в чем-то проще. Ей по клавиатуре стучать – что в редакции, что дома – все едино. Вот только командировок нет, как раньше. Известное дело – журналиста, как и волка, ноги кормят. Первому узнать новость, помчаться, взять интервью у объекта

интереса, тему поднять, если достойная.

Вынужденная изоляция, когда семья день и ночь вместе неделями и месяцами, создает психологические неудобства, и многие семьи не выдержали, развелись. Но не Алексей и Наталья. Один другому никак не мешал. В магазины ходили, в парк по соседству, где количество гуляющих резко уменьшилось. Алексей к маске в общественных местах приноровился быстро. Удивлялся только, как медики в них сутками работают. Наверное, привыкают. А еще осознание, что работают со смертельно опасной инфекцией. Если враг не виден, то это не значит, что его нет. Это Алексей точно знал, пусть и не о вирусе речь.

На работе объем прибавился. Валюта подорожала, народ стал активнее наличку снимать. Работа в банке ответственная, приходится сопровождать многомиллионные суммы. И все время начеку находиться. Желающие поживиться, ограбить всегда находились. Причем нападения всегда со стрельбой, кровью. Да и по своей жизни в других временах Алексей знал: где деньги, там всегда кровь, жертвы.

В один из дней Наталью в редакцию вызвали. У Алексея выходной. Уходя, жена чмокнула в щеку:

– Ты смотри, не путешествуй по миру. Знаю я тебя.

Наверное, если бы не сказала, Алексей об артефакте и не вспомнил бы. В последний раз в войске Александра Македонского сражался, только когда это было? Много веков назад, а помнилось – как вчера. Все же слова Натальи разбе-

редили душу. Открыл тайничок, взял артефакт в руку. Потертый, с едва видимыми рунами. Интересно, как он попал в руки к беглым зекам? Наверное, о многом камень мог бы поведать, если бы мог говорить. Уж сколько раз, осознанно или случайно, совершал ошибку, но снова наступил на те же грабли. Взял в руку перстень Остриса. И сразу – знакомые ощущения: вспышка, головокружение. Удивления уже не было. Как-никак не первый перенос во времени и пространстве. И досада на себя. Давал же себе зарок: не брать артефакт и перстень в руки, не подготовившись. И сейчас он в легких домашних трикотажных штанишках на резинке и футболке. Ни денег при себе, ни оружия. Оружие – главное. Хотя бы боевой нож. Осмотрелся по сторонам: местность средней полосы России. Но не видно столбов с проводами, самолетов в небе. Снова седая древность! Но уже нет растерянности, как в первый раз, наоборот – азарт. Предстоящая борьба за выживание будоражила кровь. Настоящее мужское занятие – это не в баре пить пиво с приятелями. Измельчали ныне мужики. Да и не в боевых навыках дело. Летнюю резину на машине поменять на зимнюю уже едут в шиномонтаж, где из таких же желающих очередь на полдня. А всего-то и нужно – поддомкратить и шестнадцать-двадцать болтов открутить и закрутить. Ну, это если резина на других дисках. Для кого-то сложность. Или прокладку в кране заменить – сантехника вызывают. И что самое занятное: только жители больших городов навыки потеряли.

Рядом грунтовая дорога. Пошел по ней: к людям, к селению точно выведет. Небольшой пригорок, из-за него лошадка показалась. На телеге селянин восседает. Что интересно, по наблюдению Алексея, за последние 300–400 лет до Октябрьской революции одежда деревенская почти не изменилась. У горожан менялась согласно моде, медленно. Деревенские же мужики все так же в холщовых широких штанах, сатиновой рубаше, на ногах лапти, на голове картуз.

Рядом с ним одеяние Алексея выглядело нелепо. Потому селянин окинул его неприязненным взглядом.

– День добрый, – первым поздоровался Алексей.

– И вам не хворать, – отозвался селянин.

Ага, стало быть, уже восемнадцатый или девятнадцатый век. До Петра обращение ко всем, даже к князю, было на ты. И слово «женщина» появилось, а «баба» осталось применительно к крестьянкам. К девушкам обращались «барышня». Все же поприятнее, чем «баба».

– Далеко ли до города? – спросил Алексей.

– Смотря до какого! Туда идти – верст пятнадцать с гаком.

Селянин махнул рукой перед собой. И продолжил:

– А ежели туда, то и все тридцать будет, – показал он за спину.

Тьфу ты! А города не назвал. И лучше сейчас у селянина выяснить, даже пусть он удивится бестолковости незнакомца.

– Где какой город?

– Там – Волок Ламский, а там – Руза.

Уже понятно, что он в Московскую губернию попал, западную ее часть.

– Кто царь-император ныне?

Мужик глаза вытаращил. Вроде незнакомец по-русски ба-ет, но одет странно и речи чудные. Не иноземец ли? После царя Петра много их появилось в исконно русских землях. Осели, обрусели, в чинах и должностях выросли изрядно.

– Так Александр Павлович!

Мужик перекрестился, надел картуз и тронул вожжи. Уже понятно, в какое время Алексей угодил – эпоха Александра I, начало девятнадцатого века. И памятен этот император был подозрением в заговоре супротив отца, императора Павла I, войной с французами. А еще таинственной смертью в Таганроге, после которой видели старца, очень на императора похожего. Не такой солдафон, как его отец, но и не сла-вен, как предок Петр.

Вот интересно Алексею, почему попадает он в эпохи столь разные. Выбора никакого, как в рулетке. Что выпало, то выпало, скажи спасибо. Одно обнадеживало – возможность вернуться. Потому был полон оптимизма. А еще было осо-знание своей исключительности. Кто еще из историков мог со знанием дела рассказать о Византии или Александре Македонском? Они изучали все по скудным сохранившимся за-писям, зачастую написанным уже позже. Алексей же жил той жизнью, изнутри видел. Но попробуй поспорить с академи-

ками от исторической науки! Ты кто такой? Ах, бывший военный, а ныне инкассатор? Тогда отойдите в сторонку. Либо объявят ненормальным – и пожалуйте на консилиум психиатров в Кащенко. Так ведь известно: сколько психиатров, столько и диагнозов. В общем, лучше помалкивать в тряпочку. Расшевелить улей легко – только сунь туда палку. Но вот обратно загнать пчел не получится.

Алексей шел в сторону Рузы. Все ближе к Москве, чем Волоколамск. Москва со времен Петра не стольный град, но на вторых ролях. Город большой, можно и работу найти или службу. И желательно побыстрее, потому как денег и жилья нет, а кушать уже хочется. Конечно, лучше в Санкт-Петербург: в нем жителей вдвое больше, чем в Москве, и все учреждения здесь, как и большая часть денег. Москва больше патриархальная, постройки старые. А Петербург посовременнее, создан Петром, и планировка улиц уже не радиальная, как в Москве. Свои возможности и способности Алексей знал. Он воин, не делец, не торгаш, не лекарь. На первых порах может и грузчиком поработать, и молотобойцем, чтобы с голоду не помереть. А потом видно будет. В этих временах, начале девятнадцатого века, он не был. А у каждой эпохи свои особенности. Поначалу трудности будут, это понятно. Но ему не привыкать, не неженка. Да и азарт проснулся: сможет ли одолеть? Или обстоятельства окажутся сильнее его?

Шел быстро, поглядывал по сторонам. Земли ухоженные.

Участки небольшие, но сорняков нет, за наделами следили. Встречались прохожие. На Алексея поглядывали с удивлением. Потому как одеждой отличался. Момент важный. Если человек в одеждах непривычных, стало быть, чужак и веры ему нет. На достойную работу претендовать не сможет. Да и вопросов много возникнет: откуда приехал, чем на пропитание зарабатывал?

Алексей по опыту знал: первое время очень трудно. Ни жилья, ни денег, даже одежды, какую местные носят, и той нет. Как и знания языка, привычек. Хорошо, хоть язык знаком, хотя не все слова понятны.

Низину миновал, на взгорок взошел, а здесь телега. Вокруг нее мужчина озабоченно ходит в темно-синем мундире. Алексею сразу причина остановки понятна – колесо отвалилось. Дело плевое – чека выскочила, которая колесо на оси держит. Два человека надобны. Один телегу за край приподнимет, другой колесо на ось насадит. И чека новая нужна. У хорошего хозяина в запасе всегда две-три штуки есть.

Увидев Алексея, мужчина обрадовался:

– Помоги, мил-человек!

– Чего же не помочь? Я телегу приподниму, а вы колесо на ось. А чека есть ли?

Поставили колесо на место быстро.

– Благодарю, – поблагодарил мужчина.

– До Рузы не довезете?

– С удовольствием.

Оба на передок уселись. Застоявшаяся лошадка бодро тронулась.

– Вроде говорите по-русски чисто, а одежда не нашенская, – сказал мужчина.

– Из дальних странствий воротился. А на родине одни неприятности. Изба сгорела вместе с родней. И податься некуда.

– Это когда же случилось? Не слыхал!

– Еще три года назад, в Рязанской губернии.

– А, тогда понятно, почему не знаю. А багаж-то где?

– И лошадь, и вещички поганые люди отобрали.

– Ай-яй-яй! Случается, бывает. Не все хотят честно на хлеб зарабатывать.

Некоторое время ехали молча. Потом мужчина спросил:

– Надо полагать, в армии вы служили?

– Еще бы! Только не в армии, а на флоте, шесть лет. Да корабль наш потерпел крушение у берегов Испании. Вот оттуда добираюсь.

Алексей наглым образом врал, но так, чтобы проверить его было невозможно или ответов пришлось бы очень долго ждать.

– И под судом, надо полагать, не были?

– Помилуй Бог!

– Православный?

Алексей нательный крестик из-под футболки вытянул, показал.

– Грамотный ли?

– Обязательно, три класса церковно-приходской школы.

А позвольте полюбопытствовать, почему такой интерес?

– Хочу предложить в полиции служить.

Алексей аж подпрыгнул от неожиданности. А с другой стороны, какой-то выход на первое время. Униформа, жалование, документами разживается. Хотя паспортов у селян не было, только у городских жителей, да и то не у всех. При Александре I до 1819 года полицией руководило Министерство полиции, после его переименовали в Министерство внутренних дел, да еще в его ведение вошла жандармерия. А все из-за декабристов. В селах функцию полицейского выполняли сотские, обычные законопослушные крестьяне, избравшиеся для несения полицейской повинности. Выше их – полицейский урядник, уже штатный полицейский, при форме и жаловании. Сотский подчинялся становому приставу. В городах полиция подчинялась градоначальнику, а заведовал ею полицмейстер. Под ним – помощник его, околоточные надзиратели, городские приставы и их помощники, а ниже – полицейские надзиратели.

Алексей этой иерархии не знал. Да и не собирался он задерживаться надолго ни в полиции, ни в Рузе.

– Согласен, – после раздумий ответил Алексей.

– Вот и славненько. Сначала в участок заедем в городе, бумаги оформим.

Вскоре показался город. Население скромное – три тыся-

чи душ, и на них три церкви: Покровская, Дмитриевская, Борисоглебская и один собор – Воскресенский. А также три мануфактуры – кирпичная, льнопрядильная и кожевенная.

В полицейской управе бумаги заполнили на Алексея. А как же без них, если жалование платить надо, униформу выдать? Вот форму еле подобрали, больно рост у Алексея велик – 180 см, когда средний рост мужчин в то время был 160 см.

Мужчина, которому Алексей помог, оказался помощником полицмейстера Волковым. Он принял деятельное участие в судьбе Алексея. Авансом, под расписку, выдал двадцать копеек.

– Избу покажу, где комнатку снимать будешь. Если с завтраком и ужином, то десять копеек в месяц. А еще десять копеек – пообедать в харчевне. Выходишь на службу с утра завтра, сразу после заутрени, приходишь в управу. Первое время будешь служить с полицейским надзирателем Яковенко. Он старый служака, поможет и расскажет.

После бумаг провел к бабке Меланье, познакомил. Уже хорошо. Крыша над головой есть, форма, кое-какая мелочь на первое время. Все лучше, чем в стогу сена спать и милостыню просить. Для молодого и здорового мужчины униженно. Но ему освоиться немного надо. Другие времена, одежды, деньги, привычки. Иначе впросак попасть недолго. Бабку попросил разбудить после вторых петухов. Обычно старые люди ложились рано и вставали тоже рано. Так и

получилось. Вторые петухи пропели, бабушка в комнату зашла.

– Вставай, милоч! Я уж на стол накрыла.

Умылся, нечто вроде физзарядки на крыльце сделал, потом за стол. Узвар из сушеных яблок и шанежки с творогом. Все вкусное, из печи русской – это не СВЧ, где быстро, но вкуса не добавляется. В русской печи что щи, что другое – готовится медленно, томится, слегка дымком припахивает. И хлеб, поскольку из муки да без всяких разрыхлителей и прочих добавок, очень вкусен и не черствеет долго. Хозяйки хлеб пекут на неделю, накрывают их рушником. И всю неделю он свежий. Еще в печи молоко томят – получается томленое, сейчас называют топленым. Вкуснятина, особенно со свежеиспеченным хлебушком, с горбушкой.

Надел Алексей униформу. Хозяйка руками всплеснула:

– Батюшки святы! Прямо начальник!

А зеркала посмотреться нет. И первый прокол: побриться надо – он ныне на службе, – а нечем! Бабка Меланья выручила, вручила бритву опасную, оставшуюся от деда.

– Вернешь, когда свою купишь. Подарила бы, да не могу, память осталась.

Верно, самому надо обзаводиться имуществом, да денег нет.

На службу явился в числе первых. В больших городах, губернского толка, где полицейских много, там развод караула. А здесь вышел вчерашний знакомец, осмотрел собравшихся.

– А где Пафнутий?

– Занемог он, животом мается. К лекарю пойдет.

– Ну, тогда по местам. Яковенко, тебе в ученики новичка даю. Покажи, как и что, да чтобы согласно уголовному уложению.

– Слушаюсь!

Яковенко оказался отставным фельдфебелем, демобилизованным по выслуге лет. Поскольку пансион невелик, а здоровье позволяет, устроился в полицию. Там отставных военных любили – понятие о дисциплине и субординации есть, с оружием обращаться умеют, приказы исполняют в точности. И здоровье вполне позволяет: в отставку выходили в сорок пять или пятьдесят лет, в зависимости – нижний чин или офицер. Генералы вовсе до преклонных лет служили, особенно на штабных должностях.

Яковенко, когда все разошлись, обошел вокруг Алексея, как вокруг диковинки. Был он роста среднего, коренаст. Кожа на лице почти коричневая. Так бывает у людей, которые много времени проводят на свежем воздухе, под солнцем, ветром. Кожа дубленая становится. Видимо, осмотром новичка остался доволен.

– Во всем слушаться меня. Уяснил?

– Точно так.

– Вот!

Довольно усы огладил. Борода на службе запрещалась, позволялось только казакам да инородцам. А усы допуска-

лись.

Не спеша по улицам пошли.

– Вот в этом кабаке кабатчик – жук еще тот! То пиво водой разбавит, то водки не дольет, особенно ежели клиент уже навеселе.

– Оштрафовать его!

– А видаками кто будет? Свидетельства выпившего законной силы не имеют. Ту избенку видишь? Скупщица краденного живет, Марфа именем. Украденные вещи к ней несут. Она немного перешьет – и барыгам на базар. Да не здесь, а в Москву. Велик город, поди сыщи, все как в омут попадает. Погоди-ка!

У столба фонарного мужчина пьяный. Когда же он успел, когда утро? Вид непотребный, однако матом не ругается, к прохожим не пристаёт и забирать его в участок не за что.

Но Яковенко подошел, потер пьяному уши.

– Савелий, шел бы ты домой! Не позорь семью, у тебя же отец солидный человек, лавку свою на базаре держит.

Полицейский надзиратель махнул рукой, к нему подъехал извозчик.

– Отвези Савелия домой. Неча семью позорить!

– А платить кто будет?

– Родитель, кто же еще. Подойдешь, скажешь – Яковенко повелел, ибо Савелий в непотребном виде был.

– Все исполню.

– То-то же.

Алексей удивлялся. Надзиратель шел по городу, наводил порядок. Практически всех знал – по фамилии, роду занятий, месту жительства. И никакой силы не демонстрировал. Потому уважаем был. Мужики шапки ломали, здоровались.

Дойдя до конца улицы, через переулок вышли на другую, зашли в чайную. Яковенко за стол сел, снял шапку. Тут же половой подбежал.

– Как всегда, только на обоих.

Половой принес две большие кружки с чаем – горячие, пар шел. А еще блюдце с колотым сахаром и блюдо с баранками.

– Угощайся.

Яковенко чай в блюдце плеснул, с шумом опростал. Потом бросил в рот кусок сахара, отхлебнул уже из кружки, принялся за баранку.

– Ты ешь! Таких вкусных баранок в Рузе больше нет. Молодец, Савва Игнатьевич!

Видимо, неведомый Савва Игнатьевич был владельцем чайной. Не менее получаса чай пили. Яковенко рукавом утирался, потел снова. Потом встал и вышел. Алексей спросил:

– А платить?

– Для полицейских задарма. Хозяин угощает. Я когда-то его от грабителей спас. С тех пор денег не берет.

Прошли немного. Завидев мужичка, Яковенко подозвал его к себе:

– Ты что же, шельма, делаешь? Я тебе говорил масло не

воровать! А ты? Или градоначальнику сказать?

– Ей-богу, ни капли не брал.

– Ну да! Отчего фонари ночью погасли? Чтобы больше не было!

Мужик отошел.

– Фонарщик это. Его дело масло залить вовремя, а утром погасить. Масло льняное подворовывает, в кашу себе добавляет.

Для Алексея удивительно – масло фонарное в кашу добавлять. Немного позднее узнал: льняное и конопляное наиболее употребимы были в пищу людьми небогатыми. Кто позажиточней, ели сливочное. Особенно ценилось масло костромское да пошехонское. То ли травы, на которых коровы паслись, какие-то особенные, то ли мастера обладали секретом особой выделки.

И потянулась день за днем полицейская служба. Алексей за месяц городишко не раз обошел вдоль и поперек, изучил все значные места и знал в лицо наиболее беспокойных жителей – пьяниц и бузотеров. Однако задаваться вопросом стал: что ему в Рузе делать? Год на дворе 1810-й, и понятно, что впереди французское нашествие и бороться с Наполеоном эффективнее, будучи в армии, а не в полиции. У полиции на оснащении дубинки и палаши, огнестрельного оружия нет. А с дубиной на француза идти несерьезно. Французская армия уже половину Европы оккупировала. И до исконных своих врагов англичан добралась бы, кабы Ла-Манш не мешал.

В Рузе армейских частей нет. Полки в основном в губернских городах и вокруг них. А еще в Петербурге и Москве. Проще снабжать, оборонять город, и в случае покушения на государя гвардия или жандармерия может спасти. После войны 1812 года так и получилось. Почти на всех императоров совершались покушения, да не одно. И началось все после декабристов.

Помощник полицмейстера Волков Алексеем был доволен. Новичок не пьет, службу несет ревностно, матом не ругается и попусту никого не обижает. Первое жалование получил, с которого бритву себе купил, портянки, исподнее на смену. А после второго месяца службы увидел странную процессию. На телеге едет рядом с извозчиком унтер-офицер, судя по мундиру. За телегой бодро вышагивают пять молодых парней. На площади телега остановилась у трактира, унтер внутрь вошел и вскоре вернулся с половым, который нес на подносе пирожки. Парни пирожки расхватили, стали есть. Алексей к унтеру подошел, поздоровался.

- Позвольте полюбопытствовать – куда следуем?
- В Москву, пополнение веду.
- Если не секрет, в какие же полки?
- Вновь формируются егерские, – понизил голос унтер.
- Да? И где же?
- На Воронцовом поле.
- Не слыхивал.
- Послужить хочешь?

– Не против.

– Пиши прошение об отставке из полиции и приходи. Найдешь меня, унтера Углова.

– Благодарю, подумаю.

А чего думать? Действовать надо! В этот же день написал прошение об отставке. Помощник полицмейстера как увидел, за сердце схватился.

– Я же тебя принял как родного, не обижал.

– Это правда, благодарен сердечно.

– А ты меня подвел, уходить собрался.

– Не по мне служба в полиции.

– Да какая разница, где копейку зарабатывать?

– Для меня есть.

Обиделся Волков.

– Снимай амуницию, она казенная.

К такому повороту событий Алексей был готов, заранее свою одежду в узелке прихватил, переоделся. У бабки Меланьи еще рубаха да портки новые лежали, купленные на базаре. В них он на местного похож, чего и хотел. На квартире у бабки поел, расплатился и был таков. Шагалось легко, потому как освоился и цель понятна. За три дня и дошел. Обедал в трактирах – суп или щи, кашу с мясом, узвар из фруктов. Сытно и недорого получалось. Москва – город большой и многолюдный. А Воронцово поле – вовсе не пустырь, как думал Алексей, а улица. Причем на небольшом пригорке, откуда видны башни Кремля. На свободном пространстве шатер

стоит, снуют мужчины в зеленой униформе. Как позже узнал Алексей, в егерской. Каждый вид войск в армии имел свою форму – по покрою, цвету. Например, кавалергарды – гвардейская тяжелая кавалерия. Отбирали туда на службу блондинов ростом не менее ста девяноста сантиметров, со светлыми глазами. Они фактически были на голову выше других, занимались охраной царской семьи, Госсвета, Сената.

Егеря – легкая пехота, снаряжение облегченное и действующим рассыпным строем. Фактически спецназ. Вместо шпаги в портупеях – штыки. Каждый боец имел шнобзак (мешок) для запаса продовольствия на три дня, ибо зачастую действовали егеря в отрыве от своих баз. Как писали в Уставе, «в егеря брать солдат самого лучшего, проворного и здорового состояния». Стрелки отбирались меткие, их главная задача – уничтожение офицеров вражеской армии в бою. Форма – темно-зеленый доломан, такого же цвета брюки в обтяжку, маленькая егерская шапочка и сапоги. При императоре Александре егерские полки были усилены двумя гренадерскими ротами, по одной на батальон. С 1801 года именовались по номерам, от первого до пятидесятого. Командирами егерских полков в свое время были Кутузов, Гудович, Михельсон, Барклай-де-Толли, Багратион и граф Каменский.

С трудом, после расспросов, нашел унтер-офицера Углова, поздоровался.

– Решился все-таки?

– Едва отпустили.

– Верю.

Осмотр медикуса – зубы проверили, телосложение оценили. Нет ли изъянов? Записался Алексей выходцем из Рузы. Писари писали со слов – фамилия, имя, отчество, вероисповедание, семейное положение. Унтер-офицеры интересовались: занимался ли ранее охотой, есть ли практика обращения с огнестрельным оружием. В этот день Алексей был единственным, у кого был опыт стрельбы.

– О! – поднял палец унтер Углов. – Весьма похвально.

После получения и подгонки обмундирования и сапог всех распределили по ротам и батальонам. Началось обучение: построение, перестроение в маршевую роту или развертывание в боевой порядок. Изучение оружия, приемы штыкового боя. В отличие от армейских пехотинцев на вооружении егерей находились винтовальные ружья калибром 16,5 мм с 6 нарезами, образца 1805 года, к ним полагался штык. Двенадцать лучших стрелков роты имели штуцеры – 16,5 мм калибр и 8 нарезов. Дальность стрельбы из штуцера – 1000 шагов, вдвое дальше пехотного ружья. Мушкетеры и гренадеры имели ружья гладкоствольные – калибром 19 мм образца 1805 года и 17,7 мм образца 1808 года. Пистолеты имелись на вооружении офицеров, артиллеристов конной артиллерии, кавалеристов, казаков – образца 1809 года. У рядовых егерей и унтер-офицеров был тесак с однолезвийным клинком образца 1807 года. Офицеры имели шпагу. Большая проблема для снабжения была в разнокалиберно-

сти. Винтовочные ружья имели 13 калибров, гладкоствольные – 28. В 1809 году было решено оставить один калибр в 7 линий (17,7 мм). Но до войны с французами осуществить переход не успели. Стрелковое оружие производили три завода – Тульский, Ижевский и Сестрорецкий. Всего в арсеналах империи хранилось 162,7 тысячи ружей; 3,9 тысячи пистолетов; 6,9 тысячи винтовальных ружей и 172 тысячи единиц холодного оружия. А еще военное министерство успело закупить в Англии у фирмы «Энфилд» 50 тысяч ружей. Пороха тоже выпускались в достаточном количестве – в Охте, Шостке и Казани – до 116,1 тысячи пудов в год. А еще были частные пороховые заводы Беренса и Губина в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.